

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.76.66.028>
УДК 343



БАНДИТИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО ОПАСНОЕ ЯВЛЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Максимов П.В.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация В статье раскрывается малоизученный аспект в исследовании такого социально опасного явления, как бандитизм, а именно - проведен анализ условий его возникновения с исторической точки зрения. Отмечается, что в современном понимании состав бандитизма был введен в уголовное законодательство только в советском государстве (в 1920-е гг.), однако отдельные признаки этого деяния проявлялись с древнейших времен, начиная с родоплеменного строя. В этой связи, автором проведен краткий исторический экскурс в части выявления причин появления сплоченных и вооруженных преступных групп, показывается попытка законодателя (в Русской Правде, Соборном уложении и др.) закрепить ответственность за это ставшее социально опасным явление в уголовных законах, однако, длительное время не удавалось в достаточной мере четко определить объект данного преступления.

Ключевые слова: бандитизм, вооруженная группа, объект преступления, уголовный закон, банда, общественная безопасность.

BANDITISM AS A SOCIALLY DANGEROUS PHENOMENON IN HISTORICAL CONTEXT

Pavel V. Maksimov

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article reveals a little-studied aspect in the study of such a socially dangerous phenomenon as banditry, namely, an analysis of the conditions for its occurrence from a historical point of view. It is noted that in the modern sense, the composition of banditry was introduced into the criminal law only in the Soviet state (in the 1920s), however, individual signs of this act were manifested from ancient times, starting from the tribal system. In this regard, a brief historical digression is made in terms of identifying the causes of the emergence of close-knit and armed criminal groups, attempts by the legislator (in *Russkaya Pravda*, the Cathedral Code, etc.) to fix this phenomenon, which has become socially dangerous, in criminal laws are shown, but for a long time it was not possible to enough to clearly define the object of this crime.

Key words: banditry, armed group, object of crime, criminal law, gang, public safety.

Введение.

Бандитизм является одним из самых тяжких преступлений в любом государстве, поскольку создает чрезвычайно высокую потенциальную общественную опасность, так как банда является одним из видов организованной преступности и создается в целях вооруженного нападения на граждан или организации (в России – ст. 209 УК РФ). Бандитизм как один из видов организованной преступности является сложным криминальным социальным явлением создающий угрозу в разных сферах социальных отношений. Предупреждение бандитизма как социально опасного явления, должно учитывать социальную составляющую, что имеет место далеко не всегда. В

определенной степени это происходит ввиду недостаточности знаний об исторических условиях, совокупность которых привела к возможностям создания вооруженных преступных групп в виде банд. При этом заметим, что по историческим меркам, сам состав бандитизма в России в современном его понимании сформировался только в первые годы советской власти (1920-е гг.); то есть, опять же по историческим меркам, сравнительно недавно, и этот вопрос достаточно подробно раскрыт автором данной статьи в более ранних публикациях [1; 2]. До этого, в течение длительного времени социальные процессы постепенно увеличивали детерминанты бандитизма являющиеся универсальными для большинства

стран, во всяком случае применительно к евроазиатской цивилизации [3, с. 44].

Обращаясь к историко-правовому анализу состава бандитизма ввиду известной путаницы в определении подходов к его изучению, сразу поясним, что, на наш взгляд, за основу следует брать уголовно-правовое и криминологическое содержание преступного деяния, при этом необходимо изначально различать, с одной стороны, генезис и эволюцию самого преступного явления, в том числе трансформацию его наименования в соответствующих нормативных документах различных исторических эпох, а с другой – особенности изменения его квалификации, специфику текущего отнесения к той или иной группе преступлений. Соответственно, как в историко-правовых, так и в уголовно-правовых исследованиях, категория «бандитизм» должна трактоваться как понятие, характеризующее деятельность сплоченных и устойчивых вооруженных преступных групп, сопряженная с совершением тяжких преступлений. Детализируя, ученые выделяют и другие, на наш взгляд, более частные признаки – наличие тесных преступных связей участников сообщества, лидерства, планирование преступлений с предварительным определением объектов посягательств и распределением ролей и пр. Полагаем, что для историко-правового исследования актуален и их учет, для сопоставления прежних представлений бандитизма с современными трактовками в нормативных правовых документах [4, с. 62].

Обсуждение.

Очертив, таким образом, рамки «координат», заданных этими основными характеристиками объективной и субъективной стороны состава бандитизма, и изучая современную литературу по исследуемой проблеме, можно обнаружить, что при освещении историко-правовой эволюции данного деликта, имеется общая доминанта в том, что появление самой категории бандитизма связано с заимствованием начала XVIII в. из французского языка слова «банда» («banda»), обозначающего вооруженную устойчивую группу преступников[5, с. 11]. При этом вместе с тем, уточняется, что термин «банда» долгое время выступал лишь своего рода разговорным зарубежным аналогом собственно русских понятий («шайка», «скоп» и пр.), который так и не стал их конкурентом в российском праве на протяжении всего досоветского периода. Во всяком случае, в нормативных актах имперской России этого понятия («банда») нет. В основном использовали

традиционное понятие «шайка», отчасти, дополненное понятием «скоп» (в частности, использовалось в средневековой Руси, помимо понятия «шайка», в Соборном Уложении 1649 г.[6]) и более поздней по времени возникновения уголовно-правовой категорией «сообщество». Сохранение данной традиции мы видим и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., и даже в Уголовном уложении 1903 г. И только в советское время, как отмечалось выше, понятия «банда», «бандитизм» активно вошли в отечественное уголовное право, в конечном счете, постепенно практически вытеснив прежние российские термины.

Тем не менее, даже фактически легализовавший понятие «бандитизм» «Декрет о суде» от 20 июля 1918 г. характеризовал бандитизм как участие в шайке[7]; то есть, через соотнесение более нового понятия с ранее употреблявшимся в имперской правовой практике. На наш взгляд, актуализация термина «бандитизм» в Советской России, его превращение из разговорно-бытовой формы в правовую категорию, было связано, с одной стороны, с чрезвычайной увлеченностью революционной российской власти не только идеями, но и различными внешними атрибутами эпохи Великой французской революции XVIII столетия. С другой стороны, отметим его обусловленность мощной волной так называемого «политического бандитизма». Как известно, последний оказал огромное влияние на ход Великой российской революции 1917-1920 гг. А в 1920-1925 гг. он и вовсе превратился в один из наиболее важных факторов, влиявших не только на уголовно-криминальную сферу, но и на внутривнутриполитическую жизнь страны в целом. Как следствие, новый для российского законодательства термин «бандитизм» в советском праве не просто приобрел значение основной нормативной правовой категории, обозначающей устойчивые вооруженные преступные группы, но и на некоторое время, в самой существенной степени, политизировал ее. В итоге, в советском законодательстве (особенно в межвоенную эпоху) под это понятие подвели самые разнообразные деликты имперской эпохи.

Если двигаться вглубь истории, то следует отметить, что трактовки, характеризующие современное понимание категории «бандитизм», в той или иной степени, нередко некритически экстраполируются на различные исторические эпохи, на само явление преступной активности вооруженных групп.

В данном случае, нам представляется целесообразным выделить два методологических

подхода.

Во-первых, в данном случае, довольно заметным является стремление непременно отнести появление бандитизма (его исторических аналогий) к какой-то конкретной эпохе. При этом особенно часто исследователи любят выделять позднее средневековье. К примеру, Ю.П. Титов полагает, что «первые» воровские организации (в том числе, совершавшие преступления, которые можно характеризовать как бандитизм) стали появляться в России в последней трети XV – начале XVI вв. (фактически, с момента появления самого понятия Россия) – «ко времени первоначального капиталистического накопления» [8, с. 12-13]. Оставляя в стороне, на наш взгляд, явно сомнительный вывод о «первоначальном капиталистическом накоплении» в России конца XV в., отметим, что даже самое общее знакомство с памятниками права показывает, что и «воровские организации» (включая их вооруженные виды), и их активность, как явление, хорошо известны и ранее.

Во-вторых, выявляются более глубокие корни данных преступлений, в частности, отмечают их в Киевской Руси. В этом есть несомненный резон. Знакомство с различными законодательными актами той эпохи показывает, что уже в X в. в этом раннефеодальном государстве отмечался значительный рост преступности, причем именно в формах насильственных. Как известно, в этой связи, по совету представителей духовенства, Владимир Красно Солнышко в конце 990-х гг. даже вынужден был пойти на ужесточение правоприменительной практики, введя казнь за убийство дружинников. Однако уже вскоре он вернулся «к старому порядку» - традиционной системе денежных штрафов («вира») [9, с. 88]. Данный пример, на наш взгляд, очень показателен. С одной стороны, он отражает глубокий кризис, порожденный распадом родовой общины, размытием и утратой ее прочных патриархально-нравственных устоев. С другой стороны, он фиксирует начальную стадию процесса опубличивания социального развития. Ведь сохранение известной устойчивости рода, с присущими ему формами самозащиты (прежде всего, кровная месть), все же не позволило Владимиру утвердить институт смертной казни. И здесь возникает вопрос: А является ли наличие родовой общины (с ее коллективной ответственностью и другими признаками) гарантией того, что в ней не возможны преступления, которые можно было бы условно охарактеризовать как бандитизм?

Результаты.

Мы полагаем, что ответ должен быть отрицательным. Соответственно, на наш взгляд, поиск «времени возникновения» бандитизма, вообще, вряд ли целесообразен, поскольку, в принципе, бандитизм по своей сути, в исторических его истоках, существует столько же, сколько и преступность как социально-опасное явление, присущее человечеству с самого начала его социализации. И «шайки», и «банды», и иные аналогичные им категории обозначают естественную форму самоорганизации преступников, которая приобретает особо опасное значение, как показывает наш анализ основных тенденций государственно-правового развития, в условиях глубоких социальных потрясений, крайне благоприятных для ее появления и развития. Глубокие социальные трансформации неизбежно влекут за собой общий рост преступности, в том числе и ее организованных форм (характерный пример – всплеск преступности в СССР в первые послевоенные годы [10, с. 43]).

Так, радикальная социальная трансформация X в., разрывавшая привычные кровнородственные коллективы, менявшая весь уклад жизни, маргинализировавшая определенную часть населения, стала источником прежде невиданной преступной волны (особенно насильственных форм, которые в новейшей истории определяются как «бандитизм»). И именно этот первый крупный всплеск преступности в конце X в., отразивший резкое осложнение криминогенной ситуации в Древней Руси, стал затем основной причиной появления первого «писаного» свода законов - «Русской Правды». Причем, если «Древнейшая Правда» («Правда Ярослава») показывает значительное присутствие родоплеменных отношений, то уже полвека спустя - в «Правде Ярославичей» ситуация принципиально изменилась (запрещена кровная месть и пр.).

На наш взгляд, именно распад родовой общины и ее замена соседской (территориальной) привели к первой существенной трансформации групповой насильственной преступности (вооруженной).

Если прежде, такого рода преступления совершались, порой, членами рода, сплоченными именно своими родственными связями, то теперь преступные сообщества все чаще основывались именно на «профессиональной» основе - из числа маргинализированных элементов, «выпавших» из традиционных родовых коллективов. Соответственно, само преступное сообщество (назовем его условно «бандой») выступало, своего рода,

паллиативом «рода», на новой «воровской» основе воспроизводя, своего рода, родовые и даже семейные связи (кстати, это в значительной степени характерно и для современных банд). В данном контексте, подчеркнем, однако, что всплеск преступности в конце X в. обеспечили как выпадавшие из рода маргиналы, так и сама разлагающаяся родовая организация. И опасность этой волны состояла именно в том, что она представляла собой не просто насильственную преступность, но, прежде всего, групповую, организованную. При этом в новых условиях род (а затем, также довольно замкнутая соседская община) формально от столь опасных форм насильственной преступности старался дистанцироваться, что особенно одобрялось государственной властью. Как ясно требовала «Русская Правда» (ст.5): «за разбойника люди не платять, но выдать и всего с женой и с детьми на поток и разграбление» [11]. Однако это решение не было безусловным. В подобных случаях, местное сообщество оказывалось перед непростым нравственным выбором. И, нередко, здесь по-прежнему доминировала родовая солидарность. Тогда, род (община) фактически брал на себя коллективную ответственность, выплачивая так называемую «дикую виру» - своеобразный выкуп за преступника [12, с. 17].

В процессе дальнейшей эрозии нравственно-правовых представлений, подчинявшихся принципу групповой солидарности, уже и сам род (община) могли трансформироваться в откровенно преступную организацию (условную банду). И примеров таких история российской преступности, в последующем, знает немало (вплоть до XX столетия). В данном контексте, особое значение приобретает проблема уголовно-правовой квалификации указанного вида криминальной активности. И здесь, сегодня мы имеем дело с двумя основными точками зрения. С одной стороны, как правило, ученые совершенно справедливо отмечают, что, в исторической ретроспективе, бандитизм в уголовном законодательстве изначально рассматривался как преступление корыстно-насильственное; то есть, объектом преступления, если обобщить, была собственность. А затем, в связи с повышенной общественной опасностью, происходит его «политизация».

Как следствие, отдельные проявления бандитизма были причислены к разряду государственных преступлений (отчасти верно и это). Подобные трактовки получили, в частности, особенно большое распространение в работах, посвященных советской эпохе. В одной из работ, где затрагивается данная проблематика, указывается,

что борьбе с советским «тоталитаризмом» ряд авторов доказывает, что «расширительное толкование бандитизма весьма опасно в любой стране»; соответственно, они осуждают и российское «дихотомное мышление, вызывающее «черно-белое» восприятие социальной реальности («свои и враги»)», и российскую государственную практику «использовать правоохранительные органы и правовую науку для несвойственных им функций, отвлекая их от борьбы против реального бандитизма [13, с. 17].

Отдавая должное такого рода выводам, равно как и введению термина «реальный бандитизм», полагаем все же, что истинная правовая природа рассматриваемого явления все же сложнее. И не случайно, некоторые исследователи, наоборот, абсолютизируют именно «политическую» составляющую бандитизма и даже видят в этом одну из его главных черт. В этой связи, к примеру, Ю.Б. Мельникова и Т.Д. Устинова отмечают: «В истории уголовного законодательства бандитизм рассматривается как преступление государственное, т.е. одно из особо опасных преступлений, посягающих на основы государственного управления в области охраны общественной безопасности и правопорядка» [14, с. 5]. Схожее мнение предлагает также В.И. Пинчук: «Таким образом, с историко-правовой точки зрения бандитизм трактовался в науке и судебной практике преимущественно как преступление антигосударственное, несущее определенную политическую окраску, хотя по своей сути он являлся общеуголовным деянием, представляющим повышенную общественную опасность» [15, с. 16].

Заключение.

Сопоставляя эти суждения с вышеприведенным кратким экскурсом в Древнерусское государство, полагаем, что они излишне категоричны и, соответственно, акцент следовало делать на других аспектах. Так, та же «Русская Правда», в частности, вообще не знала государственной преступности, которая вполне определена русским законодателем только в Судебнике 1497 г. Тем не менее, это не значит, что в то время не существовало аналогов современного бандитизма. На наш взгляд, групповая насильственная преступность (даже преследуя строго корыстные цели), уже в силу своей исключительной опасности, никогда не существовала совершенно обособленно от общеполитического и социального контекста. Более того, вся история развития российского (и не только) права показывает, что именно наиболее опасные формы вооруженной

групповой преступности, приобретающие известную «политическую» окраску, и являются главным его локомотивом.

Однако российский законодатель довольно долго не мог соединить в едином составе преступления сплоченность и вооруженность преступной группы, заведомо созданной для совершения тяжких преступлений, корыстную направленность разбойных нападений и иных деяний членами этой группы, а также - опасность для государства такого рода деяний, в результате в нормах уголовного права и в правоприменительной практике не было четкого понимания

объекта бандитизма. Как отмечалось выше, необходимая определенность стала появляться в начальный период истории советского государства. Однако у советского законодателя был пережест с политической составляющей бандитизма (акцент делался на то, что это преступление посягает, прежде всего, на государство), что, впрочем, отражало, в целом, политический уклон советского уголовного права. И лишь после 1991 г., когда политико-идеологическое наполнение уголовного законодательства было, наконец, сведено к минимуму, удалось достичь сбалансированного состава бандитизма как преступления против общественной безопасности.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Максимов П.В. Регулирование признаков бандитизма в УК РСФСР 1922 и 1926 годов (законодательный и доктринальный аспекты) // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. № 4. С. 100-106.
2. Максимов П.В. Признаки бандитизма в динамике концептуальных подходов и уголовно-правового регулирования // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2. С. 115-121.
3. Старков О.В., Упоров И.В. Юриспруденция: введение в специальность. М.: Экзамен, 2005. 94 с.
4. Упоров И.В., Курдюк П.М., Курдюк Г.П. Правотворчество в современной России. Краснодар, 2003. 92 с.
5. Пазухин С.Б. Бандитизм в России: социально-правовой и уголовный анализ. Методика расследования бандитизма. Волгоград: ВА МВД России, 2005. 257 с.
6. Сборное уложение: текст и комментарий / Под ред. А.Г. Манькова. Л.: Наука, 1987. 448 с.
7. Декрет о суде от 20.07. 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 14.
8. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. Введение. М.: Проспект, 2005. 463 с.
9. Зимин А.А. Правда Русская. М.: Древнехранилище, 1999. 421 с.
10. Упоров И.В. Мировой экономический кризис и статистика преступности в России // Общество и право. 2009. № 5. С. 41-44.
11. Русская Правда (Пространная редакция) // Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века / Пер. М.Н. Тихомирова. М.: Соцэкгиз, 1960. 765 с. С. 202-205.
12. Турицын И.В., Упоров И.В. Уголовное наказание в теоретических и законодательных конструкциях (историко-правовой аспект) // Право и практика. 2014. № 4. С. 11-19.
13. Беляев М.В. Расследование и судебное разбирательство дел о бандитизме: уголовный процесс и криминалистические вопросы. Казань: Каз. гос. ун-т, 2009. 1905 с.
14. Мельникова Ю.Б., Устинова Т.Д. Уголовная ответственность за бандитизм. М.: НИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 1995. 32 с.
15. Пинчук В.И. Виды преступных организаций и ответственность их участников по современному уголовному праву: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Л., 1960. 16 с.

References:

1. Maximov P.V. Regulation of signs of banditry in the Criminal Code of the RSFSR of 1922 and 1926 (legislative and doctrinal aspects) // *Journal of Legal and Economic Research*. 2019. No. 4. pp. 100-106.
2. Maximov P.V. Signs of banditry in the dynamics of conceptual approaches and criminal law regulation // *Bulletin of Economic Security*. 2022. No. 2. pp. 115-121.
3. Starkov O.V., Uporov I.V. *Jurisprudence: introduction to specialization*. M.: Exam, 2005. 94 p.
4. Uporov I.V., Kurdyuk P.M., Kurdyuk G.P. *Lawmaking in modern Russia*. Krasnodar, 2003. 92 p.
5. Pazukhin S.B. *Banditry in Russia: socio-legal and criminal analysis. Methods of investigation of banditry*. Volgograd: VA of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 257 p.
6. *The Cathedral Code: text and commentary* / Edited by A.G. Mankov. L.: Nauka, 1987. 448 p.
7. Decree on the court of 07/20. 1918 // *SU RSFSR*. 1918. No. 51. St. 14.
8. Titov Yu.P. *Textbook on the history of state and law of Russia. Introduction*. Moscow: Prospekt, 2005. 463 p.
9. Zimin A.A. *Russian Truth*. M.: Ancient Storehouse, 1999. 421 p.
10. Uporov I.V. *The global economic crisis and crime statistics in Russia* // *Society and law*. 2009. No. 5. pp. 41-44.
11. *Russian Truth (Lengthy edition)* // *Anthology on the history of the USSR from ancient times to the end of the XV century* / Per. M.N. Tikhomirova. M.: Sotsekgiz, 1960. 765 S. S. 202-205.
12. Turitsyn I.V., Uporov I.V. *Criminal punishment in theoretical and legislative constructions (historical and legal aspect)* // *Law and Practice*. 2014. No. 4. pp. 11-19.
13. Belyaev M.V. *Investigation and trial of cases of terrorism: criminal procedure and criminalistic issues*. Kazan: Kaz. State University, 2009. 1905 p.
14. Melnikova Yu.B., Ustinova T.D. *Criminal liability for banditry*. M.: Research Institute for the Strengthening of law and Order, 1995. 32 p.
15. Pinchuk V.I. *Types of criminal organizations and the responsibility of their participants in modern criminal law: abstract. diss. ... cand. Jurid. Sciences*. L., 1960. 16 p.

Информация об авторе:

Максимов Павел Викторович, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России. Краснодар, Maksimov@mail.ru

Pavel V. Maksimov, PhD in Law, Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Krasnodar.